

АГЕНТСТВО КУПИДОН

ЕКАТЕРИНА МОРДВИНЦЕВА

В ПОИСКАХ
СЕБЯ

Екатерина Мордвинцева

Агентство Купидон.

В поисках себя

<https://litres.ru/74211454>

Аннотация

Она скрывалась от своей судьбы. Он не верил, что ее найдет. Случайная встреча на лесной тропе изменила все. Теперь ей придется жить под чужим именем в его доме, храня опасную тайну. Ему — разгадать загадку новой служанки, чьи глаза говорят больше, чем знатные дамы. А им обоим — довериться рыжей свахе из «Купидона», которая знает наверняка: их нити уже сплетены. Новое дело Эммы Броудс — самое романтическое и самое сложное.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	50
Глава 7	61
Глава 8	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Глава 1

Осень в Междумирье была не сезоном, а состоянием души. Она не подчинялась календарям отдельных миров, а плела свой собственный гобелен из туманов, ностальгических ароматов и меланхоличного золота. Сегодня она явно решила соткать полотно в серо-жемчужных тонах, щедро сдобренное мелким, назойливым дождиком, который не хлестал, а именно моросил — проникая под воротники, затуманивая окна и превращая каменную брусчатку в зеркальную мозаику.

Эмма Броудс шла по одной из бесчисленных улочек Валемара — мира, в котором её бродячий дом решил остановиться на этой неделе. Воздух был густым и вкусным: дымок от очагов смешивался со сладковатым запахом печёных яблок из соседней пекарни, горьковатой ноткой опавшей листвы и далёким, едва уловимым дыханием моря, которое, как утверждали местные, было за три дня пути. Она закуталась в свой верный шерстяной плащ цвета спелой вишни, но холодок всё равно пробирался внутрь, заставляя ускорить шаг. В руках она бережно несла кожаную папку — архив сегодняшней консультации.

Клиент оказался характерным. Молодой кузнец по имени Торгрим, с руками размером с окорок и голосом, сотрясавшим стёкла в её кабинете, требовал невесту «не жеманную

кисейную барышню, а девку с огнём в жилах! Чтобы и в кузнице подсобить могла, и пирог испечь, и взгляд её, как обухом по шлему!». Эмма, скрыв улыбку, терпеливо записала все пожелания, включая «волосы, как пламя, или, на крайняк, как вороново крыло» и «смех, чтобы сердце расpirало». Теперь, идя домой, она мысленно перебирала карточки в своей растущей базе данных. Была ли там подходящая «гроза» для этого буйного «урагана»? Пока на ум приходила лишь дочь трактирщицы с соседней улицы, славившаяся тем, что могла одним взглядом усмирить драчливых посетителей. Нужно будет присмотреться, проверить её алу нить...

Мысль о нитях заставила её взгляд, привычно-профессиональный, скользнуть по запястьям редких прохожих. Вот старый сапожник, закрывающий свою лавочку, — его нить короткая, тусклая и почти перегоревшая на конце, уходящая в никуда, в память. Эмма почувствовала знакомый укол грусти. А вот молодая женщина, спешащая с рынка с тяжёлой корзиной, — её нить яркая, упругая, цвета спелой малины, и тянется она через всю площадь, туда, где в слесарной мастерской горел свет. Эмма улыбнулась про себя. Это всегда действовало на неё как бальзам: знать, что сердца, даже в самой обыденной суе, находят свою пару. Её собственное запястье, как всегда, было пустым. Но сегодня эта пустота не вызывала привычной щемящей ноты. Было слишком много других, чьи судьбы можно было сплести.

Дом её, верный странник, стоял в конце Тупика Тихых Колокольчиков — улочки, действительно украшенной гирляндами из крошечных стеклянных колокольчиков, которые теперь пели тонким, хрустальным звоном под каплями дождя. Здание было невысоким, каменным, с дубовой дверью, испещрённой годами (или путешествиями по мирам?), и круглым витражным окном, из которого лился тёплый, медовый свет. На двери висела вывеска с лукавым, пухлым Купидоном, целившимся из лука прямо в сердце случайного прохожего. Вид этого света, этого знакомого силуэта, всегда действовал на Эмму умиротворяюще. Здесь был её островок, её крепость и её дело.

Но сегодня вечером умиротворение разбилось в тот миг, когда она подняла глаза от мокрой брусчатки на крыльцо.

У самой двери, под скудной защитой узкого козырька, сидела фигура.

Сначала Эмма подумала, что это тень от фонаря или забытый узел. Но тень дрожала. Мелкой, частой, неконтролируемой дрожью. Эмма замерла на мгновение, инстинктивно оценивая обстановку. Улица была пустынна, только дождь шелестел по крышам. Ни звука погони, ни подозрительных силуэтов в переулках. Лишь одинокая кошка, промокшая до нитки, с достоинством пересекла улицу и скрылась в подворотне.

Сделав шаг вперёд, Эмма различила детали. Это была девушка. Она сидела, поджав под себя ноги и обхватив коле-

ни руками, стараясь казаться как можно меньше. Её одежда кричала о своём происхождении даже в полутьме: платье из тёмно-синего, почти черного бархата, с высоким воротником и длинными, узкими рукавами, отделанное причудливой серебряной вышивкой, изображавшей стелющиеся растения. Платье для бала, для приёма в богатом доме, но никак не для осенней мостовой. Теперь этот наряд был безнадёжно испорчен: подол в грязи и изорван в нескольких местах, будто девушка пробиралась через кусты; на одном рукаве зиял небрежный разрыв, из которого торчали нити дорогой подкладки; кружева на корсаже обвисли, промокли и тяжелые.

Но больше платья Эмму поразило лицо. Бледное, как фарфоровая кукла, обрамлённое растрёпанными, тёмными прядями волос, прилипшими к щекам и лбу. И глаза. Огромные, тёмно-карие, с золотистыми искорками, которые сейчас отражали только панику и такую глубокую, всепоглощающую усталость, что смотреть на них было почти больно. Девушка не плакала. Она просто смотрела в никуда, и каждое её дыхание сопровождалось лёгким, жалобным всхлипом. Она дрожала — не просто от холода, а от того внутреннего холода, что исходит от предельного страха и беспомощности.

Сердце Эммы упало, а затем забилось тревожным, но твёрдым ритмом. Все её внутренние предостережения, все уроки осторожности, которые ей внушал Бастиан, растворились в один миг перед этим немым воплем о помощи. Она осторожно приблизилась, стараясь не застать девушку врас-

плох.

— Девушка? — её голос прозвучал тихо, но чётко, перебивая шум дождя. — Вы здесь... вы ждёте кого-то?

Фигура вздрогнула так сильно, что Эмма опасалась, не упадёт ли та с крыльца. Голова медленно повернулась. Взгляд, мутный от отчаяния, сфокусировался на Эмме. Сначала в нём вспыхнул дикий, животный страх, заставивший девушку инстинктивно отодвинуться к двери. Потом, когда она увидела не угрозу, а обычную молодую женщину в плаще с озабоченным выражением лица, страх начал отступать, уступая место растерянности и зарождающейся, хрупкой надежде. Губы, посиневшие от холода, дрогнули.

— Я... — голос был хриплым, сорванным, едва слышным. — Простите... я...

Она попыталась встать, но ноги, видимо, затекли, и она пошатнулась. Эмма инстинктивно сделала шаг вперёд, чтобы поддержать её, но остановилась, давая пространство.

— Вам плохо? Вы ранены? — спросила Эмма, уже осматривая её взглядом на предмет явных повреждений.

— Нет... не ранена. Просто... — девушка сглотнула, её горло работало с трудом. — Мне некуда идти. Они... они найдут меня, если я пойду в постоянный двор или... — она замолчала, поняв, что говорит слишком много, и страх снова накрыл её волной.

«Они». Это одно слово сказало больше, чем длинная исповедь. Эмма быстро окинула взглядом улицу ещё раз.

Все так же пусто. Но чувство безотлагательности нарастало. Нужно было действовать сейчас.

— Хорошо, — сказала Эмма твёрдым, спокойным тоном, каким разговаривала с напуганными клиентками. — Сначала зайдём внутрь. Здесь холодно, вы промокли насквозь. Потом решим, что делать дальше.

Она достала из складок плаща большой старомодный ключ. Девушка смотрела на её движения, словно загипнотизированная, не в силах поверить в своё спасение.

— Я... я не хочу быть обузой, — пробормотала она.

— Вы ею и не будете, — отрезала Эмма, вставляя ключ в замочную скважину. Дверь открылась с мягким, приветливым щелчком, выпустив наружу волну тепла и света. — Это мой дом. И здесь я решаю, кто обуза, а кто нет. Проходите.

Она отступила, пропуская девушку вперед. Та на секунду заколебалась на пороге, будто переступая некую невидимую грань между прошлым и... чем-то неизвестным. Затем, поджав губы, она шагнула внутрь.

Тёплый воздух обволок их, пахнувший воском, яблоками, корицей и чем-то уютно-домашним, что не поддавалось определению. В просторной гостиной, служившей приёмной агентства, в камине потрескивали поленья, отбрасывая танцующие тени на стены, заставленные книжными полками, и на большой дубовый стол Эммы. На столе в беспорядке лежали стопки бумаг, перья, маленькая коробочка с карточками и симпатичная чернильница в виде совы.

Девушка замерла посреди комнаты, ослеплённая светом и ошеломлённая теплом. Она стояла, и с её промокшего бархата на пол тонкой струйкой стекала вода, образуя тёмное пятно на добротном ковре. Она снова начала дрожать, но теперь это была дрожь от резкой смены температур.

— Саруг! — позвала Эмма, сбрасывая свой плащ на вешалку у двери. — У нас экстренная ситуация!

Из глубины дома, откуда вела дверь на кухню, послышалось недовольное ворчание, за ним — звук отставляемой посуды и быстрые, семенящие шаги. На пороге появился гном. Саруг, в своём неизменном поношенном фартуке, с седыми, торчащими в разные стороны бакенбардами и глазами-бусинками, мгновенно оценил обстановку. Его взгляд скользнул по Эмме, потом прилип к жалкой, дрожащей фигуре в центре комнаты. Брови гнома полезли вверх, почти скрываясь под шапкой седых волос.

— Мать-землица! — воскликнул он не голосом ужаса, а тоном опытного домовладельца, заставшего потоп. — Да ты на неё посмотри, Эмма! Совсем синяя! И всю воду с улицы принесла! Ну-ка, ну-ка, снимай это мокрое тряпье, пока тебя озноб не сломил!

Его грубоватая забота, лишённая всяких церемоний, казалось, смутила девушку ещё больше. Но Саруг уже исчез и вернулся с огромным, верблюжьим пледом в красно-коричневую клетку.

— Держи, — сказал он, накидывая плед ей на плечи по-

верх мокрого бархата. Плед был тяжёлым, тёплым и пахнул сандалом и сушёной мятой. — А теперь плащ скидывай. Или платье это... Короче, всё, что мокрое!

— С-спасибо... — прошептала девушка, и её зубы предательски застучали, выбивая дробь.

— Никаких спасибо! — отмахнулся Саруг, уже направляясь обратно на кухню. — Спасение утопающих, как говорится... Эмма, води её к камину, а я глинтвейну... тьфу, то есть какао! самого жирного, с зефирками!

Эмма, скрыв улыбку, мягко взяла девушку за локоть и повела к камину. Та позволила вести себя, словно сомнамбула. Эмма усадила её в глубокое, уютное кресло с высокой спинкой прямо напротив огня, а сама присела на пуф рядом.

— Вот так, — сказала Эмма. — Грейтесь. Саруг сейчас придёт с чем-то согревающим. Вы в полной безопасности. Никто сюда без спроса не войдёт.

Девушка медленно, будто боясь расплескать, повернула голову к Эмме. Плед и близость огня уже делали своё дело: на её щеках проступал слабый румянец, а в глазах начал таять ледяной покров страха. Она смотрела на Эмму с немym вопросом, с недоверчивым изумлением.

— Меня зовут Эмма, — представилась хозяйка, слегка наклонившись вперед. — Эмма Броудс. А это мой дом и моё... место работы. Брачное агентство «Купидон». — Она кивнула в сторону вывески за окном. — А тот ворчун — Саруг. Он здесь присматривает за домом и за мной, как он считает.

Вы можете сказать, как вас зовут?

Девушка молчала несколько секунд, её пальцы судорожно сжимали край пледа.

— Мари... — наконец выдохнула она, едва слышно. Потом, сделав усилие, прочистила горло и сказала чуть громче, но всё ещё неуверенно: — Мариаса. Но... если можно, просто Мари.

В этом «просто Мари» Эмма услышала целую историю. Историю о том, что оставили позади, и о маске, которую надели, чтобы спрятаться. Она кивнула, не настаивая и не задавая лишних вопросов.

— Хорошо, Мари. — Её голос был тёплым, как огонь в камине. — Отдохни. Ничего не объясняй, пока не захочешь. Сначала нужно согреться и прийти в себя.

В этот момент Саруг вернулся, неся поднос. На нём дымились две огромные кружки из толстой керамики, украшенные незамысловатым узором. Рядом лежала горка пушистых бело-розовых зефирок. Аромат был божественным — густой, шоколадный, с нотками ванили, корицы и чего-то ещё, очень согревающего, возможно, щепотки перца чили.

— На, пей, — сказал гном, ставя кружку прямо в руки Мари. — Прямо до дна. Внутри всё льдом стало.

Мариаса взяла кружку обеими руками, словно это был не напиток, а священный сосуд, источник жизни. Она закрыла глаза, вдыхая пар, и сделала маленький, осторожный глоток. По её лицу прошла волна облегчения. Она сделала ещё один

глоток, уже больше, и её плечи наконец расслабились, опустившись под тяжестью плеча.

Эмма наблюдала за ней, и её профессиональный взгляд, почти против воли, поднялся чуть выше головы девушки. И там, в воздухе, чуть вибрируя от тепла камина, она это увидела.

Тончайшая, но невероятно яркая алая нить. Она исходила из пространства чуть выше левого плеча Мариасы, сияла, как начищенная медь при свете огня, и уходила куда-то вдаль, через стены дома, в сырую осеннюю ночь. Нить была цельной, крепкой и полной жизни. У этой девушки была судьба. И эта судьба была где-то там, в темноте, возможно, так же одинока и заблудившаяся в этот момент.

Новое дело для агентства «Купидон» не просто начиналось. Оно постучалось в дверь, промокшее до нитки, дрожащее от холода и страха, но с алой, нерушимой нитью надежды, тянущейся к своему второму концу. Эмма взяла свою кружку, почувствовав знакомый, бодрящий трепет предвкушения. Нужно было помочь этой нити не запутаться. Но для этого сначала нужно было помочь самой Мари.

— Рассказывай, когда будешь готова, — мягко сказала Эмма. — А пока... добро пожаловать.

И в тишине комнаты, нарушаемой только потрескиванием поленьев и тихим всхлипыванием дождя за окном, Мариаса — просто Мари — впервые с того самого ужасного момента, когда она решилась бежать, почувствовала, что она,

возможно, и вправду в безопасности.

Глава 2

Тепло камина было не просто физическим ощущением; оно было целительным бальзамом, медленно проникающим сквозь промерзшую кожу, сквозь окоченевшие мышцы, добираясь до самой дрожи в костях. Мариаса — Мари — сидела, закутавшись в грубоватый, но бесконечно добрый плед, и смотрела на языки пламени, которые лизали поленья, оставляя на их боках узоры из золотого пепла. В руках она по-прежнему сжимала кружку, уже наполовину пустую. Горячее, сладкое какао с ванилью и едва уловимой остринкой перца совершило маленькое чудо: оно вернуло чувствительность губам, разогнало ледяную муть в мыслях и подарило иллюзию, пусть хрупкую, что мир может быть устойчивым и добрым.

Эмма не торопила её. Она сидела напротив, в кресле-качалке, и её поза была открытой и спокойной. Она просто ждала, изредка отхлёбывая из своей кружки, взгляд её был внимательным, но не давящим. Саруг, накрыв на стол на кухне какими-то настойчиво-громкими, но почему-то очень успокаивающими звуками, появился на пороге, поставил на низкий столик между ними тарелку с тёплыми, душистыми пряниками в форме звёздочек и сердечек, кивнул и снова удалился, оставив их наедине с тишиной, нарушаемой только треском огня и заунывным завыванием ветра в трубе.

Мари закрыла глаза, собираясь с мыслями. Теперь, в безопасности, страх отступил, обнажив за собой пустоту, стыд и горький осадок предательства. Но нужно было объясниться. Эти люди проявили к ней доброту, и она была обязана им правдой. Хотя бы той её частью, которую можно было вынести на свет.

— Меня зовут Мариаса де Герельдат, — начала она тихо, но уже без прежней дрожи. Глаза её были по-прежнему прикованы к огню, как будто исповедь легче было адресовать этим безликим, живым стихиям. — Мой отец... Арман де Герельдат. Он... очень успешный торговец. Ткани, пряности, редкие товары из дальних миров. У нас большой дом в Лориэне. — Она произнесла название мира с ностальгической интонацией, но тут же поморщилась, будто вспомнив что-то неприятное. — Не графы, конечно, не аристократы. Но деньги... деньги у отца есть. И связи.

Она сделала паузу, взяла один из пряников, но не стала есть, просто вертя его в пальцах.

— У отца есть компаньон. Бардольф ван Хоорн. Ему... под пятьдесят. Он овдовел несколько лет назад. Состояние у него огромное, даже больше, чем у отца. И влиятельное. — Голос Мари стал ровным, монотонным, будто она заучила этот текст. — Их деловое партнёрство длится годы. А теперь отец решил его... скрепить. Нерушимыми узами.

Эмма молча кивнула, уже понимая, к чему идёт речь. Сердце её сжалось от предчувствия.

— Меня, — выдохнула Мари, и в её голосе впервые прорвалась живая, горькая эмоция. — Он решил скрепить мной. Как печатью на контракте. «Выгодная партия для всех», «обеспеченное будущее», «почет и уважение»... — Она передразнила чей-то наставительный, вероятно, отцовский, тон. — Они всё обсудили. Без меня. Решили, что свадьба должна состояться до конца сезона, чтобы успеть к подписанию нового совместного договора. Бардольф... — она содрогнулась, и это было неподдельно, физически. — Он... грубый. Говорит громко, словно всё время на аукционе. Руки у него большие, тяжёлые... И он смотрит. Смотрит на меня, как на... на новую приобретённую вещь. На редкий товар. В его взгляде нет ни капли... ничего человеческого. Только расчёт и... обладание.

Она наконец подняла глаза на Эмму. В них стояли не слезы, а нечто худшее — униженное достоинство.

— Я пыталась говорить с отцом. Умоляла. Говорила, что не хочу, что боюсь. Он сказал... — голос её сорвался, и она на секунду закусил губу. — Он сказал, что у меня слишком буйная фантазия и что я должна быть благодарна за такую возможность. Что любовь — это глупость для романтичных девиц, а брак — союз разумный и практичный. Что мать моя... — тут голос окончательно предательски дрогнул, — была бы счастлива видеть меня так хорошо устроенной.

— А что думала ваша мать на самом деле? — мягко спросила Эмма.

— Мама умерла, когда мне было десять, — прошептала Мари. — Она... она всегда смеялась. Любила музыку и старые книги про рыцарей. Я думаю... я думаю, она бы меня поняла.

Наступила тишина. За окном дождь усилился, забарабанив по стеклу витража.

— И вот... вчера вечером был ужин. У нас дома. Бардольф и отец. Они обсуждали детали приданого. Моё приданое! — в её голосе впервые прозвучала ярость, короткая и острая, как вспышка. — Как будто меня там не было. А потом... потом Бардольф взял меня за подбородок. Прямо за столом. Повернул моё лицо к свету и сказал отцу: «Хороший фарфор, Арман. Будет достойно смотреться в моей гостиной». И они оба засмеялись.

Вот тогда, призналась она, внутри что-то оборвалось. Окончательно и бесповоротно. Страх превратился в ледяную, ясную решимость.

— Я просидела всю ночь, не смыкая глаз. Утром, когда отец уехал на встречу, а служанки были заняты, я... я собрала самое необходимое. Несколько платьев попроще, туалетные принадлежности. Я не взяла ничего из фамильных драгоценностей, только то, что было лично подарено мне матерью или куплено на собственные деньги от крёстной. — Она потянулась к своему мокрому плащу, лежащему на сушилке у камина, и выудила из скрытого кармана маленький, туго набитый бархатный мешочек. Со звоном высыпала его со-

держимое на ладонь. Несколько изящных колец, пара серёг с жемчугом, тонкая золотая цепочка с кулоном-соловьем. Не королевские сокровища, но достаточно, чтобы прожить какое-то время. — Я надела самое дорогое платье — чтобы меньше вопросов было при выходе, будто иду в гости. Сказала, что иду к подруге. И... просто ушла. Села на первый же межмирной дилижанс, который отправлялся. Без цели. Я просто ехала, пока хватило денег за проезд. Он привёз меня сюда, в этот мир. А потом... потом я просто шла. Пока не кончился день и не начался этот дождь. Пока я не увидела ваш свет в окне и... вывеску.

Она замолчала, исчерпав запасы мужества. Вся её история висела в воздухе между ними — гнетущая, несправедливая, пахнувшая страхом и старыми деньгами. Мари снова уставилась в огонь, её плечи сгорбились под пледом, будто она ожидала осуждения, недоверия или, что хуже всего, холодной практичной оценки её поступка.

Эмма отставила свою кружку. Она поднялась, подошла к камину, поправила полено кочергой, чтобы искры взметнулись вверх ярким фейерверком. Потом повернулась к девушке.

— Вы очень храбрая, Мариаса, — сказала Эмма, и в её голосе не было ни капли снисхождения или жалости. Было уважение. — То, что вы сделали, потребовало огромной силы духа. Сбежать от спланированной, удобной для всех, кроме вас, жизни — это не каприз. Это акт самосохранения.

Мари медленно подняла на неё глаза, в которых читалось недоверие. Она, наверное, ожидала чего угодно, но не этого.

— Но что же мне теперь делать? — вырвалось у неё, и в этом вопросе была вся её потерянность. — У меня есть немного денег, если продам украшения. Но они меня ищут. У отца связи повсюду. Он найдёт меня, если я буду оставаться в постоянных дворах или снимать комнату. Я не умею ничего! Только музицировать, вышивать и вести домашнее хозяйство! Я... я бесполезна в настоящем мире.

— Это неправда, — твёрдо сказала Эмма. Она села обратно, наклонившись вперёд. — Вы владеете собой в кризисной ситуации. Вы можете планировать. У вас есть вкус и, судя по вашей речи, образование. А ведение домашнего хозяйства — это огромный и сложный труд. И, — Эмма позволила себе лёгкую улыбку, — судя по всему, вы отлично оцениваете характер людей. Ваша оценка господина ван Хоорна, я уверена, абсолютно точна.

Мари смотрела на неё, словно пытаясь понять, не издевается ли Эмма. Но в её зелёных глазах читалась только искренность.

— А что... что это за место? — спросила Мари, кивнув в сторону стола с бумагами и вывеске за окном. — «Купидон»? Брачное агентство? Разве вы... не как раз устраиваете такие браки?

Эмма рассмеялась, и это был тёплый, живой звук.

— О, нет, дорогая. Совсем наоборот. Я как раз борюсь

с такими браками. Точнее, я помогаю людям избежать их. — Она жестом пригласила Мари взглянуть на картотеку. — Видите ли, у меня есть... небольшое преимущество. Я вижу то, что не видят другие. Нить судьбы. Алую нить, которая связывает истинные пары. Моя работа — помогать этим нитям не запутаться, а соединиться. Иногда для этого нужно просто подтолкнуть людей в нужном направлении. Иногда — помочь им разорвать ложные, навязанные связи. Я не свожу людей по расчету. Я помогаю им найти любовь. Настоящую.

Мари слушала, раскрыв рот. Её мир, чёрно-белый от отчаяния и страха, вдруг окрасился в какой-то невероятный, волшебный цвет.

— И вы... вы видите их? Прямо сейчас? — недоверчиво спросила она.

Эмма кивнула. Её взгляд на мгновение скользнул куда-то в пространство над левым плечом Мари. — Вижу. И, поверьте, ваша нить... она не ведёт к Бардольфу ван Хоорну. Она яркая, сильная и ведёт куда-то совсем в другую сторону.

В глазах Мари блеснула надежда, такая острая, что было больно смотреть. Но почти сразу же её лицо снова помрачнело.

— Но какая разница? Отец всё равно найдёт меня. Или... или я умру в какой-нибудь канаве, не сумев заработать на хлеб. Я не могу вернуться. Я не могу!

— И не вернётесь, — спокойно заявила Эмма. — Вы оста-

нетесь здесь. Пока не решим, что делать дальше.

— Но... я не могу вас обременять! Вы же меня не знаете!

— Я знаю самое важное, — сказала Эмма. — Я знаю, что вы в беде. И я знаю, что Саруг уже притащил наверх из кладовой раскладную кровать и сменил постельное бельё в гостевой комнате. Спорить с ним, когда он что-то решил, бесполезно. Да и опасно — перестанет печь свои круассаны.

Как будто в подтверждение её слов, с кухни донёсся довольный громкий воркующий звук — видимо, гном что-то пробовал на вкус.

Мариаса смотрела то на Эмму, то на дверь на кухню. В её душе шла борьба между гордостью, страхом и всепоглощающим желанием просто позволить этому странному, тёплому островку безопасности принять её. Усталость перевесила всё.

Слёзы, которые не текли от страха, наконец выступили на глаза — тихие, облегчённые. Она не рыдала, просто две крупные капли скатились по щекам и упали на шершавую ткань пледа.

— Я не знаю, как вас благодарить, — прошептала она.

— И не пытайтесь, — сказала Эмма, вставая. — Сегодня — только отдых. Завтра... завтра мы с Саругом и, возможно, одним нашим общим другом подумаем, что можно сделать. Как вам нужно заявить о себе миру, чтобы вас не нашли те, кого вы боитесь, но нашел тот, кто вам действительно предназначен.

Она подошла и мягко положила руку на плечо девушки. — А сейчас — ужин и сон. И дайте слово не думать о завтрашнем дне до самого утра. Договорились?

Мариаса, просто Мари, кивнула, сжимая в ладони золотого соловья — символ голоса, который она, казалось, уже потеряла. Она чувствовала себя не спасённой — до спасения было ещё далеко. Но она чувствовала себя укрытой. И в этом укрытии, среди запаха книг, пряников и дымка, под мягкий перезвон осеннего дождя, впервые за долгое время ей показалось, что будущее — не тёмный туннель, а просто закрытая дверь. А двери, как она только что узнала, иногда открываются.

Над её головой алая нить, которую видела только Эмма, дрогнула и на мгновение вспыхнула чуть ярче, как будто почувствовав близость своего второго конца где-то в спящем, дождливом городе.

Глава 3

Утро в Междумирье было хрустальным и прохладным. Дождь прекратился, оставив после себя мир, вымытый до блеска. Солнце, бледное и нежное, пробивалось сквозь разорванные облака, превращая капли на витраже «Купидона» в россыпи мелких радуг. В доме пахло кофе, свежим хлебом и чем-то неуловимо мирным.

Мариаса проснулась от непривычной тишины. Не было гула голосов в коридоре, звяканья посуды, принесённой служанкой, или тяжёлых шагов отца. Было тихо. И светло. Она лежала на узкой, но невероятно удобной раскладной кровати в маленькой комнатке под самой крышей — бывшей камерке, которую Саруг за ночь превратил в подобие уютного гнезда. На стуле аккуратно висело её высушенное и отглаженное платье — бархат, конечно, безвозвратно испорчен, но теперь он хотя бы был чист. Рядом лежала стопка простой, но добротной одежды из льна и шерсти — очевидно, из запасов Эммы или самого гнома.

Она прислушалась. Снизу доносились приглушённые голоса. Мужской бас, незнакомый, и более высокий, ворчливый тембр Саруга. Потом — спокойный, мелодичный голос Эммы. Они говорили о ней. Мари почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Страх — старый, верный спутник — на мгновение вернулся. А что, если они передумали? Что,

если решат, что она слишком большая проблема?

Она заставила себя встать, умыться ледяной водой из кувшина (Саруг, видимо, считал, что это бодрит) и надеть простое серое платье. Оно было немного великовато в плечах, но сидело чисто. Посмотрев в маленькое зеркальце, она увидела бледное лицо с тёмными кругами под глазами, но в этих глазах уже не было вчерашнего одичавшего ужаса. Была настороженность. И решимость. Она спустилась по узкой лестнице.

В гостиной-приёмной царила своеобразная картина. Эмма, уже одетая в деловой костюм — юбку-карандаш и белую блузку, — разбирала почту за своим столом. Саруг, стоя на небольшой скамеечке, яростно натирал до блеска медную подставку для перьев, поглядывая при этом на дверь. А у камина, спиной к огню, стоял незнакомый мужчина.

Он был высок, широк в плечах, и его тёмная, слегка расчёпанная шевелюра отбрасывала на стену резкую тень. Одет он был практично и чуть небрежно: коричневые кожаные штаны, тёмно-зелёная рубашка с закатанными по локти рукавами, на которых виднелись едва заметные пятна — то ли чернильные, то ли от машинного масла. Лицо его было не красивым, но запоминающимся: резкие скулы, тёмные брови, собранные в лёгкую хмурость, и пронзительные карие глаза, которые в тот момент пристально изучали Мари с ног до головы. В его взгляде не было вчерашней отеческой грубости Бардольфа. Там был холодный, аналитический инте-

рес, смешанный с откровенным недоверием. Он не улыбнулся. Просто скрестил руки на груди.

— А, вот и наша птишка поднялась! — просиял Саруг, первым нарушив тягостную паузу. Он спрыгнул со скамеечки и суетливо засеменил к Мари. — Выспалась? Матрас не провалился? Я его ещё весной перебирал, пружины все целые! А кофе? Эмма говорит, тебе нужно покрепче, после вчерашнего. Или чаю? У меня есть травяной, для успокоения нервов, сам собирал, в горах Эльфириона...

— С-спасибо, Саруг, — тихо сказала Мари, чувствуя на себе вес мужского взгляда. — Кофе, пожалуйста.

— Прекрасно! Мигом! — гном юркнул на кухню, бросив на высокого незнакомца взгляд, полный немого предупреждения.

Эмма подняла глаза от писем и улыбнулась Мари. Улыбка была тёплой, но в глазах читалась лёгкая озабоченность.

— Мари, доброе утро. Это Бастиан Франст, мой друг и... иногда невольный соучастник в делах агентства. Бастиан, это Мари. Наша гостья.

Бастиан кивнул, едва заметно. Его взгляд не отрывался от Мари.

— Гостья, — повторил он, и в его голосе прозвучала лёгкая, но отчётливая ирония. — С ночёвкой. Интересно. И как долго планируется это... гостевание?

— Бастиан, — мягко, но твёрдо предупредила Эмма.

— Нет, Эм, это важный вопрос, — он сделал шаг вперёд,

не агрессивно, но так, чтобы сократить дистанцию. Его глаза, острые и умные, впились в Мари. — Видишь ли, Мари, у Эммы сердце размером с этот камин. А у меня, к сожалению, нет. Я имею привычку задавать неудобные вопросы. Например: от кого именно ты сбежала вчера? И уверена ли ты на все сто, что за тобой не идут по пятам прямо сейчас?

Мари почувствовала, как её лицо заливают краски. Не от стыда, а от возмущения. Она выпрямила спину, встретив его взгляд.

— Я не обязана отчитываться перед вами, — сказала она, и её голос, к её собственному удивлению, прозвучал ровно и холодно.

— В моём доме — обязана, — парировал Бастиан. — Потому что если за тобой придут сюда, под угрозой окажется не только твоя милая персона, но и Эмма, и этот старый чудак на кухне, и всё это место, которое для них значит больше, чем ты можешь понять.

— Бастиан, достаточно! — Эмма встала, и в её голосе зазвучали стальные нотки. — Мари рассказала мне свою историю. Она в беде. И она остаётся здесь, пока мы не придумаем, как ей помочь.

Бастиан повернулся к Эмме, разведя руками.

— Помочь? Эмма, ты слышишь себя? Ты находишь на пороге абсолютно незнакомую девушку в разорванном платье от кутюр, которая рассказывает историю про злого отца и нежеланного жениха! Это классика! Так разводят довер-

чивых людей! Или она настоящая беглянка, и тогда за ней вполне могут идти вооружённые люди, которые не побоятся устроить стрельбу в центре мирного Валемара! Ты думала об этом?

— Думала, — спокойно ответила Эмма. — И я вижу её нить.

Это заявление на секунду обезоружило даже Бастиана. Он замер, его скептицизм столкнулся с непреложным фактом магического дара Эммы — единственной вещи, в которой он не мог усомниться.

— Нить? — переспросил он, уже тише.

— Яркая. Чистая. И она здесь, в этом городе, а не в её родном мире. Её судьба — здесь. Значит, и мы должны помочь ей остаться здесь. Безопасно.

Бастиан провёл рукой по лицу, вздохнув. Он подошёл к окну, выглянул на пустынную утреннюю улицу, потом снова повернулся к женщинам.

— Хорошо. Допустим, я верю твоему дару. Допустим, она не аферистка. — Он снова посмотрел на Мари, но теперь его взгляд был скорее оценивающим, чем враждебным. — Тогда план. Первое: нужно сменить внешность. Хотя бы временно. Эти тёмные волосы... они слишком запоминающиеся. Саруг! — крикнул он в сторону кухни.

Гном тут же появился в дверях, держа в одной руке дымящуюся чашку кофе, а в другой — пучок каких-то засушенных трав.

— Что надо, бука? — буркнул он, явно недовольный тоном Бастиана.

— У тебя же были эти твои зелья... для окрашивания? От комбинированного ревматизма и для блеска бороды?

— Для оттенения седины! — поправил Саруг, оскорблённо надув щёки. — И это не зелье, а полностью натуральный отвар на основе скорлупы грецкого ореха и... а, тебе зачем?

— Чтобы сделать нашей гостье волосы на пару тонов светлее. Каштановыми, например. Не ради красоты, ради маскировки.

Мари инстинктивно прикоснулась к своим тёмным локонам. Изменить внешность... это звучало так... окончательно.

— Это хорошая идея, — неожиданно поддержала Эмма. — И одежду нужно подобрать попроще, местного кроя. Не привлекать внимания.

— Второе, — продолжил Бастиан, уже полностью переключившись в режим оперативного планирования. — Нужна легенда. Кто ты, откуда и почему здесь. И работа. Без источника дохода ты будешь выглядеть подозрительно. И, — он посмотрел на Эмму, — я не о деньгах, а о внимании соседей.

— Она может помогать мне, — сказала Эмма. — В агентстве. С бумагами, с клиентами, с поддержанием порядка. Это будет логично — помощница в брачном агентстве.

— Идеально, — кивнул Бастиан. — Легенда: ты моя даль-

няя родственница из провинции, приехала в город искать работу. Эмма взяла тебя из милости. Ты скромная, малообщительная, живёшь при доме. Никаких подробностей о прошлом.

Мари слушала этот стремительный обмен репликами, чувствуя себя кораблём, попавшим в быстрое течение. Эти люди за считанные минуты строили для неё новую личность, новую жизнь. Это было и страшно, и завораживающе.

— А что... что насчёт отца? — тихо спросила она. — Его связи...

— Его связи сильны в торговых кругах Лориэна и, возможно, соседних миров, — сказал Бастиан. — Но здесь, в Валемаре, в этом тихом переулке, у него нет власти. А если он начнёт официальные розыски через межмировые конторы... — Он хмыкнул. — У меня есть знакомства. Я могу... направить поиски в ложное русло. Слух о том, что молодая де Герельдат была замечена в компании бродячих артистов где-нибудь на окраине Галереи Миров, на пару месяцев отвлечёт любые серьёзные ресурсы.

В его словах была такая уверенность, такое знание непарадных сторон жизни, что Мари впервые за этот разговор почувствовала не страх, а... облегчение. Этот человек, хоть и колючий, знал, что делал.

— Ты согласна, Мари? — спросила Эмма, смотря на неё. — Это будет непросто. Притворяться другой. Работать. Жить в ожидании, что тебя могут узнать.

Мариаса де Герельдат посмотрела на эти три лица: на озабоченное, но доброе лицо Эммы; на хмурое, но компетентное лицо Бастиана; на выглянувшего из-за его спины Саруга с его вечным готовностью помочь. Это был не выбор между плохим и хорошим. Это был выбор между бездной и узкой, шаткой тропинкой над ней.

— Я согласна, — сказала она твёрдо. — Я буду Мари. Помощницей. И я постараюсь никому не навредить. И... — она перевела дух и посмотрела прямо на Бастиана, — спасибо. За... за осторожность. Она нужна.

Бастиан, казалось, был слегка ошарашен этой благодарностью. Он кашлянул, отведя взгляд.

— Да ничего... Просто не люблю, когда Эмма лезет в неприятности сломя голову. Ладно. Значит, решено. Саруг, займись её волосами. Эмма, придумай ей список обязанностей. А я... я пойду пошарю вокруг, послушаю, не идёт ли по городу шум о пропавшей невесте.

Он кивнул им и направился к выходу. На пороге обернулся.

— И, Мари... — его голос снова стал жёстким. — Никаких писем домой. Никаких попыток связаться со старыми знакомыми. Ты — призрак. Понятно?

— Понятно, — шепнула она.

— Отлично.

Дверь закрылась за ним. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая только шипением дров в камине.

— Ну вот, напугал бедную дитятю, — проворчал Саруг, поднося Мари наконец чашку кофе. — Не слушай его. Сердце у него правильное, просто в броне ходит, как некоторые крабы. А теперь идём на кухню. Будем делать тебе новую причёску. И заодно поешь чего-нибудь. Слышал я, как у тебя живот урчал, бука эта чёрная тебя допрашивал.

Эмма подошла к Мари и положила руку ей на плечо.

— Он прав в главном, — тихо сказала она. — Нужно быть осторожной. Но ты не одна. Мы с тобой.

Мари кивнула, сжимая тёплую чашку в ладонях. Она чувствовала себя разрывающейся на части: старая Мариаса, с её страхами и памятью о роскоши, и новая Мари — испуганная, но полная решимости выжить. И вокруг — этот странный треугольник: рыжая волшебница, ворчливый гном и скептик в кожаных штанах. Это было не спасение в классическом смысле. Это был договор. И она готова была его соблюдать.

Взгляд её упал на круглое окно, где висела вывеска с лукавым Купидоном. Брачное агентство. Ирония судьбы была настолько горькой и совершенной, что она почти рассмеялась. Девушка, сбежавшая от брака, нашла приют в месте, где браки устраивают. Мир был абсурден. Но, возможно, в этом абсурде и была её надежда.

— Пойдём, Саруг, — сказала она, делая глоток кофе. — Покажите мне этот волшебный отвар.

Глава 4

Тишина после ухода Бастиана была особой. Не пустой, а насыщенной, словно воздух после грозы, в котором ещё висят невысказанные слова и несделанные шаги. Эмма, проводив друга взглядом, отвернулась от окна и медленно вернулась к своему рабочему столу. Но её мысли уже не могли сосредоточиться на вчерашней почте или завтрашних встречах. Они кружились вокруг дрожащей фигуры на крыльце, вокруг испуганных глаз, в которых читалась история, слишком знакомая по горькому привкусу.

Она слышала, как на кухне Саруг что-то бурчит, ставя на плиту котелок с водой, и его низкий, утробный голос перемежается с тихими, односложными ответами Мари. Девушка была настороже, как дикий зверёк, принявший пищу из рук, но всё ещё готовый сорваться в бегство. И в этом было что-то щемящее.

Эмма машинально взяла в руки перо, обмакнула его в чернильницу-сову и вывела на чистом листе: «Мариаса де Герельдат. Беглянка. Отец – Арман, торговец. Жених – Бардольф ван Хоорн, компаньон. Мотив – отказ от брака по расчёту, страх, унижение». Она поставила точку и откинулась на спинку стула, закрыв глаза.

В её памяти всплыли обрывки вчерашнего рассказа. Не детали о богатстве или связях, а интонации. Тот плоский,

монотонный голос, когда Мари говорила о своём «предназначении». Резкая, живая нотка ярости при воспоминании о прикосновении Бардольфа. И бездонная грусть при упоминании матери. Эмма провела ладонью по лицу. Это была классическая история заточения в золотой клетке. История, которую она ненавидела всем сердцем, потому что её собственная мать, пусть и по-другому, тоже была жертвой обстоятельств и чужих решений.

Но симпатии и жалости было мало. Нужен был план. Практичный, как настаивал Бастиан, и гуманный, как требовало её собственное сердце. Она не могла прятать Мари вечно в этой мобильной крепости. Девушке нужно было обрести почву под ногами, независимость, своё место в мире. И безопасность. Как соединить всё это?

Эмма открыла глаза, и её взгляд непроизвольно упал на фигуру Мари, появившуюся в дверном проёме кухни. Саруг, с важным видом знатока, вёл её к стулу, поставленному посреди комнаты, поверх которого уже был перекинут старый, покрытый пятнами полотенца холст. В руках гном сжимал щётку и глиняную кружку с кашицеобразной тёмно-коричневой массой, от которой пахло орехами и травой.

— Сиди смирно, не дёргайся, — наставлял Саруг, обматывая Мари плечи ещё одним полотенцем. — Искусство это тонкое! Один неверный взмах — и получишь не каштан, а цвет перезрелой тыквы!

Мари сидела, стиснув руки на коленях, её поза была

неестественно прямой. Она напоминала аристократку на портрете — гордая шея, поднятый подбородок, но в глазах читалась полная потерянности. Она позволяла манипулировать собой, отдавшись на волю этих странных людей, как корабль, отдавшийся на волю течения.

Именно в этот момент, когда утренний свет из окна упал на неё, скользнув по линии плеча и изящной шеи, Эмма увидела.

Это было не мгновенное озарение. Скорее, медленное проявление, как изображение на старой фотографии в проявителе. Сначала — лёгкое мерцание в воздухе, едва уловимая рябь, словно от жара. Потом — тонкая, почти прозрачная линия, идущая из пространства чуть выше левой ключицы Мари. Она висела в воздухе, колеблясь от её неглубокого дыхания. А затем... затем она наполнилась цветом. Не просто красным. Алым. Цветом только что распустившегося мака, первой капли вина на снегу, зарева заката на полированной меди. Это был цвет такой жизненной силы и интенсивности, что по сравнению с ним все остальные нити, которые Эмма видела в тот день, казались выцветшими, потёртыми.

Эмма замерла, затаив дыхание. Она не просто смотрела — она всматривалась. Это была одна из самых ярких, самых определённых нитей, которые ей доводилось видеть. Она не была новой — не той хрупкой, серебряной паутинкой, что возникает у юных созданий. Нет, она была сформировавшейся, упругой, как струна лучшей лютни, готовой зазвучать

от малейшего прикосновения. И она была цельной. Не оборванной, не истончённой печалью или предательством. От неё исходило ощущение... ожидания. Терпеливого, долгого, но неотменимого.

И нить уходила. Не вверх, к потолку, в абстрактные небеса судьбы, а горизонтально. Из окна, через стену дома, вглубь города. Она была натянута, как тетива, указывая направление. Эмма инстинктивно повернула голову, пытаясь мысленно проследить её траекторию. Куда? В богатый квартал? В мастерскую? В лавку? Нить не давала таких подробностей. Она просто была. Ярким, неопровержимым доказательством: у Мариасы де Герельдат есть пара. Здесь. В этом мире. Возможно, в нескольких улицах отсюда.

Сердце Эммы забилося чаще, но уже не от тревоги. От волнения. От того знакомого, охотничьего азарта, который она испытывала, когда все части головоломки начинали сходиться. Бастиан был прав в своей осторожности, но он смотрел на ситуацию через призму угроз и рисков. Эмма же теперь видела возможность. Не просто спрятать девушку, а... интегрировать. Устроить так, чтобы её новая жизнь не была бегством, а стала прибытием. Чтобы «Мари» не была маской, а стала оболочкой, в которой истинная Мариаса сможет, наконец, встретить того, кто предназначен ей судьбой.

— Эмма? — голос Саруга вывел её из транса. Гном смотрел на неё с недоумением, щётка замерла в воздухе. — Ты как? Видок-то у тебя... Словно привидение увидела.

Мари тоже повернула к ней голову, и в её глазах мелькнула тревога. Эмма быстро взяла себя в руки, сделав глубокий вдох. Она улыбнулась — на этот раз улыбка была не просто ободряющей, а озарённой изнутри.

— Нет, всё в порядке, Саруг. Просто... мне в голову пришла идея. — Она подошла ближе, её глаза снова скользнули к алой нити, сияющей, как тайный знак. — Продолжай, пожалуйста. А я... я сейчас вернусь.

Она прошла к своему столу, достала из ящика большую, разлинованную карту Валемара. Не официальную, а свою собственную, испещрённую пометками: где живут удачно сведённые пары, где находятся популярные среди её клиентов заведения, где лучше не появляться из-за сплетников. Она расстелила карту на столе, прижав края чернильницей и пресс-папье в виде сердца.

Мысленно она продлила линию, идущую от Мари. Из окна, через сад, через две улицы... В этом направлении был Парковый квартал, несколько респектабельных, но не пафосных особняков, ремесленные мастерские, небольшая частная библиотека... Нить не указывала на дом — она была лучом, а не GPS-навигатором. Но сам факт был оглушительным.

«Её судьба здесь, — думала Эмма, водя пальцем по карте. — Она сбегала к чему-то, даже не зная об этом. Не от чего-то, а к чему-то. И наша задача — не просто укрыть её, а мягко подвести к точке встречи. Так, чтобы это выглядело

естественно. Чтобы это было её выбором».

Она снова посмотрела на Мари. Саруг уже вовсю работал щёткой, аккуратно нанося пасту на тёмные пряди. Девушка сидела с закрытыми глазами, её лицо было безмятежным, почти отрешенным. В этой покорности было что-то детское и беззащитное.

— Саруг, — позвала Эмма, стараясь, чтобы голос звучал непринуждённо. — Как думаешь, сколько займёт весь процесс?

— Час выдержки, не меньше! — отозвался гном, не отрываясь от работы. — Чтобы цвет хорошо закрепился. А потом отвар из ромашки, чтобы блеск был. И кондиционер из яичного желтка и оливкового масла! Без химии, всё натуральное!

— Прекрасно, — сказала Эмма. — Значит, у нас есть время обсудить детали работы. Мари, как ты относишься к бумажной работе? Ведению журналов, сортировке писем, составлению расписаний?

Мари приоткрыла глаза.

— Я... я помогала отцу иногда с корреспонденцией. Ведению домашних счетов обучена. Каллиграфией занималась.

— Идеально, — Эмма почувствовала, как план обретает форму. — Значит, ты будешь моим секретарём. Официально. Это даст тебе законный статус, небольшую, но зарплату и железное алиби. Ты будешь занята, у тебя будет круг обязанностей. А на деле... — Эмма подошла и села на пуф рядом.

— На деле ты будешь моими глазами и ушами. Ты будешь встречать клиентов, записывать их истории. Учиться считать людей. А я... я буду учить тебя кое-чему ещё. Считать кое-что другое.

Она не могла раскрыть свой дар полностью, не сейчас. Но она могла готовить почву.

— Я научу тебя видеть не то, что люди говорят, а то, чего они сами о себе не знают. Их истинные желания. Их совместимость. Это и есть суть работы «Купидона». Мы не просто сводим людей. Мы помогаем им найти себя в другом.

Мари слушала, и в её глазах зажёгся слабый, но настоящий интерес. Не просто согласие на условие, а любопытство.

— И вы думаете... я смогу этому научиться?

— Я думаю, у тебя есть для этого все данные, — искренне сказала Эмма. — Ты уже проявила недюжинную силу воли. А ещё... — её взгляд снова непроизвольно скользнул к алой нити, которая, казалось, слегка задрожала, как струна, на которой перебирают пальцем. — А ещё у тебя есть врождённое чутьё. Иначе ты не почувствовала бы, что путь с Бардольфом — тупиковый.

Мари опустила глаза, кивнув.

— Ладно, — сказал Саруг, откладывая щётку. — Всё, сиди теперь, как статуя, часок. Я пока займусь кондиционером. А вам, Эмма, не мешало бы составить список дел для нашей новой секретарши. Да и для себя тоже — у тебя же в одиннадцать тот кузнец должен зайти, узнать насчёт своей «грозы»?

Эмма вздрогнула, вспомнив о Торgrimе.
— Точно! Спасибо, Саруг, что напомнил.

Она вернулась к столу, к своей карте и к листу с записями о Мари. Теперь рядом с сухими фактами она мысленно нарисовала ярко-алую линию, уходящую в город. Это больше не было делом милосердия или скрывания беглянки. Это стало проектом. Самым важным проектом агентства «Купидон» на данный момент.

Она взяла чистую карточку из своей клиентской базы. Но вместо имени потенциального жениха или невесты, она аккуратно вывела: «Проект «Алая нить»». Цель: безопасная интеграция и сведение с предназначенной парой. Объект: Мари (Мариаса). Приоритет: максимальный.»

Она прикрепила карточку на видное место на пробковой доске рядом со столом, поверх расписания на неделю. Это был символ. Обещание себе и незримое обещание той дрожащей девушке с закрытыми глазами, чьи волосы медленно пропитывались запахом ореха и трав.

Решение было принято. Не просто оставить на время. Взять под опеку. Взять в оборот. Провести по невидимой, но прочной нити судьбы к тому, кто ждал её, возможно, даже не подозревая об этом. Бастиан мог ворчать, Саруг — хлопотать, но теперь у Эммы был компас. Яркий, алый, неумолимый. И она намеревалась следовать ему.

Глава 5

Неделя в доме-страннике пролетела для Мариасы в вихре новых ощущений, странных открытий и тихой, непривычной внутренней работы. Была ли это жизнь? Пока что это больше напоминало жизнь в аквариуме с постоянно меняющимся пейзажем за стеклом.

В понедельник, проснувшись, она обнаружила, что за окном вместо дождливых серых крыш Валемара плескалось море изумрудных холмов под огромным лиловым небом. Воздух пах озоном и чем-то сладко-пряным. Саруг, подавая завтрак, бурчал что-то о «капризах фундамента» и «ненадёжной магматике в этом секторе», но выглядел вполне довольным. Эмма лишь улыбнулась, сказав, что это Эльфирион, мир с очень переменчивой погодой, но прекрасными библиотеками. Мари провела тот день, прилипнув к окну, наблюдая, как по холмам проносятся стаи существ, похожих на помесь оленей и птиц. Её страх быть найденной отступил на второй план перед чистым изумлением. Её мир, Лориэн, был стабильным, упорядоченным, предсказуемым. Этот дом был воплощением самой идеи перемен.

К среде дом снова двинулся — на этот раз в тихий, туманный мир под названием Серая Гавань. За окном проплывали силуэты парусных кораблей в бухте, и слышался крик чаек. Именно здесь Мари начала свою настоящую работу.

Её волосы, благодаря стараниям Саруга, приобрели красивый каштановый оттенок с медными отсветами — не кричащий, но достаточно отличный от её природной черноты, чтобы изменить общее впечатление от лица. В простом платье из тёмно-синей шерсти, с аккуратно убранный в пучок косой, она выглядела как скромная, но опрятная горожанка. Идеальная «секретарша».

Сначала всё казалось хаосом. Кабинет Эммы — это была не просто комната с письменным столом. Это был нервный центр целой вселенной сердечных дел. На полках стояли не книги, а аккуратные коробки с карточками, разложенные по алфавиту, по типу желаний («романтики», «прагматики», «искатели приключений»), по мировоззрению. На стене висела огромная пробковая доска, испещрённая рисунками, фотографиями, связанными ниточками и забавными пометками Эммы: «Арнольд и Клара — совпали по нити, но он боится пауков, а она их разводит. Конфликт!», «Люси и Марк — нить есть, но оба слишком упрямые, чтобы сделать первый шаг. Нужен «случайный» сбой в дилижансе».

Мариаса начала с малого: привести в порядок архивы прошлого года. Это была кропотливая, почти медитативная работа. Она разбирала стопки писем, заносила данные в огромную гроссбух-картотеку Эммы, училась её системе условных обозначений (маленькое сердечко означало успешную пару, перечёркнутый купидон — отказ от услуг, восклицательный знак — «требуется особого подхода»). Поначалу она

путалась, чувствовала себя непроходимо тупой. В её прежней жизни учёность сводилась к музыке, языкам и истории искусств. Делопроизводство было делом клерков, не дворян. Но здесь, в этой уютной комнате, заполненной светом и тихим гулом жизни за окном, это дело казалось не унижительным, а... важным. Каждая карточка была историей. Надеждой.

Именно тогда к ней пришло первое, самое сильное осознание. Она наблюдала за Эммой. Та принимала клиентов — обычных людей с необычными судьбами. Торговку цветами, мечтавшую о муже, который не побоится её вспыльчивого характера. Молодого учёного, искавшего спутницу, способную понять его бредовые, по его же словам, теории о шестом измерении. Эмма слушала. Не просто вежливо, а внимательно. Её зелёные глаза, казалось, видели сквозь слова, сквозь социальные маски, прямо в суть. Она задавала вопросы не о приданом или статусе, а о страхах, о мечтах детства, о том, каким человек представляет свой идеальный воскресный день.

И люди раскрывались. Стеснительная торговка вдруг с жаром рассказывала о своей любви к буйным, диким розам. Учёный, смущаясь, признавался, что на самом деле мечтает о ком-то, с кем можно молча сидеть у камина, когда слова уже не нужны. Эмма не давала пустых обещаний. Она говорила: «Я поищу», «Давайте подумаем», «Это интересный вызов». И люди уходили не с пустыми руками, а с искоркой

надежды в глазах. Иногда Эмма, проводив клиента, подходила к своей доске и с лёгкой, почти волшебной уверенностью проводила мелком линию между двумя карточками. И Мариаса, наблюдая, чувствовала, как по её спине пробегает холодок. Она не видела алых нитей. Но она видела результат. Видела, как хаос одиноких сердец под чуткими руками Эммы начинал складываться в узор.

Однажды вечером, когда они вдвоём разбирали свежую почту (просьбы, благодарности, одно гневное письмо от дамы, чья подобранная Эммой пара предпочла друг друга, оставив даму «в дурацком положении»), Мари не выдержала.

— Эмма... как вы это делаете? — спросила она, откладывая в сторону конверт с душистыми чернилами. — Как вы знаете? Не просто угадываете, а знаете наверняка, кто кому подойдёт?

Эмма подняла на неё взгляд, положив перо. В её глазах мелькнула тень.

— Я тебе говорила, у меня есть... определённое преимущество, — осторожно сказала она. — Но одного преимущества мало. Нужно ещё уметь слушать. И видеть. Не глазами, а... вот здесь. — Она приложила руку к груди. — Ты же сама, разбирая архивы, наверняка заметила закономерности? Не те, что на поверхности — «оба любят музыку» или «оба из одного сословия». А глубже. Упрямство, которое нуждается в мягкости, но не в слабости. Мечтательность, которой нужна твёрдая почва, но не цинизм. Это как... пазл. Только

детали — живые, и они сами должны захотеть встать на своё место.

— Но вы же не просто советуете, вы... направляете, — настаивала Мари, вспоминая, как Эмма вчера «случайно» отправила застенчивого переплётчика книг в ту же кофейню, где по её же совету бывала одинокая владелица цветочной лавки.

Эмма улыбнулась, и в уголках её глаз собрались лучики морщинок.

— Иногда судьбе нужно немного помочь с расписанием. Главное — не навредить. Не заставляй. Просто... создать возможность. А дальше — их выбор.

Мариаса смотрела на неё, и её охватывало чувство, которое она с трудом могла определить. Это было не просто восхищение. Это была жажда. Жажда такой же уверенности, такой же осмысленной силы. В её прежней жизни сила была в деньгах, в статусе, в умении манипулировать. Сила Эммы была иного рода. Она создавала связи. Строила что-то. И это что-то было прочным, настоящим. В отличие от хрупкого, фальшивого союза, который готовил для неё отец.

Параллельно с работой в агентстве шло её обучение у Саруга. Гном оказался не просто сторожем и кулинаром, а хранителем дома. Он знал каждый его скрип, каждую магическую «жилку» в стенах. Он учил Мари, как топить камин, чтобы он не дымил при переходе между мирами с разным атмосферным давлением. Как поливать странные растения на

подоконнике, которые то съёживались в бутоны, то распускались фантастическими цветами за считанные часы в зависимости от «настроения» дома. Как пользоваться хитроумной системой блоков и противовесов, чтобы открывать тяжёлые ставни на верхнем этаже.

— Дом — он живой, дитя, — говорил Саруг, смазывая маслом скрипящую дверцу шкафа. — Не в смысле, что думает и говорит. А в смысле привычек. У него характер. Он любит, когда на кухне пахнет выпечкой — тогда он крепче спит и реже ерзает по ночам. Не любит громких ссор — тогда могут посыпаться книги с полок. И уж совсем терпеть не может скуки. Если долго сидеть на одном месте, он сам найдёт, куда бы переместиться, только чтобы вид в окне сменился.

Мари слушала, и её прежнее представление о мире трещало по швам. Она училась печь хлеб — не ажурные булочки для чаепития, а добротный, душистый каравай, корка которого хрустела, а мякиш был упругим и пористым. Она мыла полы, чувствуя приятную усталость в мышцах после работы. Она чистила серебряные подсвечники, и её отражение в полированном металле было нечётким, другим — без бархата и кружев, но с более спокойным, более осмысленным выражением лица.

Однажды ночью её разбудил лёгкий толчок, будто корабль слегка качнулся на волне. Она подошла к окну. Пейзаж за ним медленно, почти незаметно плыл. Холмы Эльфириона таяли в ночной дымке, а на их месте проступали очертания

знакомых башенок Валемара. Дом возвращался. Не потому что так надо, а потому что, как объяснил наутро Саруг, «заскучал по звону тех самых колокольчиков». И в этот момент Мари поняла, что и она заскучала. По знакомому виду из окна, по запаху пекарни на углу. Этот дом не только путешествовал. Он возвращался. У него были привязанности.

К концу недели Мариаса — теперь уже просто Мари для всех, включая саму себя, — чувствовала себя не беспомощной беглянкой, а... стажёром. Неловким, ещё неумелым, но принятым в странную, тёплую семью. У неё были обязанности. Она знала, где лежат чистые бланки анкет, как приготовить кофе для Эммы (крепкий, с двумя кусочками тростникового сахара), и что Саруг обожает, когда ему оставляют на столе свежее яблоко к вечернему чаю.

Она сидела за небольшим столиком в углу кабинета, составляя список клиентов на следующую неделю, когда Эмма, закончив свой приём, подошла к ней.

— Как успехи? — спросила Эмма, глядя на её аккуратные колонки.

— Всё готово, — сказала Мари, слегка гордясь собой. — И... я кое-что заметила. Вот эта клиентка, мисс Лора, и этот господин Эдвин... вы их ещё не сводили, но по анкетам... у неё отец был картограф, а он коллекционирует старые карты. И она пишет, что мечтает о человеке, с которым можно было бы «заблудиться в разговорах», а он — о той, с кем «можно молча идти по неизвестной дороге». Это... кажется,

созвучно.

Эмма посмотрела на анкеты, потом на Мари. В её глазах вспыхнул тёплый, одобрителный свет.

— Ты права. Совершенно верно подмечено. Это не гарантия, но прекрасная точка старта. — Она положила руку Мари на плечо. — Видишь? Ты уже учишься видеть узор.

Мари чувствовала, как по её щекам разливается румянец от похвалы. Это было маленькое достижение. Но оно было её достижением. Не оценкой за вышивку или игру на клавишине, а результатом её собственных наблюдений, её труда.

Вечером, укладываясь спать в своей маленькой комнатке под крышей, Мариаса смотрела на потолок. Она думала не о страхе, не о прошлом. Она думала о нитях. О невидимых связях, которые Эмма видела. Она вспоминала, как Эмма иногда задумчиво смотрела на неё, и её взгляд скользил куда-то мимо, в пустое пространство рядом с её плечом. Смотрел с сосредоточенностью и... надеждой.

«У меня есть нить, — вспомнила Мари слова Эммы. — Яркая. И она здесь».

И впервые за долгое время мысль о будущем не вызывала спазма страха. Вместо этого рождалось тихое, настойчивое любопытство. Куда ведёт эта невидимая нить? Кто держит её другой конец? И как Эмма поможет им найти друг друга? Она засыпала под лёгкое, почти музыкальное поскрипывание деревянных балок старого дома, и её сны были не о побеге, а о поиске. О странствии, цель которого была спрятана

где-то впереди, в тумане нового дня, который обязательно принесёт с собой новый вид за окном и новую, крошечную частичку её собственной, только начинающейся истории.

Глава 6

Наступило утро, и дом, будто угадав внутреннее состояние своих обитателей, замер в особенно мирном и прекрасном месте. Когда Мари спустилась вниз, её встретило не привычное уже булыжное мостовой или туманная набережная, а поток чистого, пьянящего воздуха, наполненного ароматами, от которых кружилась голова.

За окном простирался бесконечный, изумрудный парк. Вернее, это был не парк в человеческом понимании, а скорее сама идея парка, доведённая до совершенства. Деревья с серебристой корой и листьями, переливающимися всеми оттенками зелёного и золота, образовывали высокие, ажурные своды. Между ними вились тропинки, посыпанные не песком, а мелкой, упругой хвоей, испускающей лёгкий хвойно-цитрусовый аромат. Повсюду цвели невиданные цветы: огромные, похожие на колокольчики, испещрённые светящимися прожилками, и крошечные, образующие на земле сизо-голубой туман, который расступался при шаге. Вдалеке слышалось журчание воды — то ли ручья, то ли множества крошечных водопадов. Небо было цвета бледного аквамарина, и по нему медленно плыли пушистые, розоватые облака.

— Феарион, — объявил Саруг, ставя на стол тарелку с воздушными оладьями, политыми мёдом, пахнущим полевыми цветами. — Сады Вечного Цветения. Место для раз-

мышлений и неспешных прогулок. Дом, видать, решил, что нам всем нужно глотнуть красоты. Да и воздух здесь для лёгких целебный.

Эмма, просматривая утреннюю почту, улыбнулась.

— Идеально. У меня сегодня только один клиент после полудня. Мари, почему бы тебе не прогуляться? Солнце, воздух... Тебе нужно отвлечься от бумаг. Осмотрись, подыши. Только не уходи далеко от дома, чтобы видеть нашу трубу.

Мысль о прогулке в одиночестве сначала испугала Мари. За стенами дома всё ещё таился неопределённый страх — тень отца, Бардольфа, слуг с пронизательными взглядами. Но вид этого райского сада был непреодолим. И тишина здесь была особенной — не давящей, а наполняющей. Она кивнула.

Через полчаса, надев самое простое из своих платьев (песочного цвета, из мягкого хлопка) и лёгкий платок на каштановые волосы, Мари вышла из дома. Дверь закрылась за ней с тихим щелчком, оставив её наедине с этим зелёным чудом.

Первые несколько минут она просто стояла, вдыхая воздух. Он был чистым и холодным, как вода из горного источника, с примесью сладких, незнакомых запахов. Потом она осторожно ступила на ближайшую тропинку. Хвоя мягко пружинила под ногами. Тишина была почти абсолютной, нарушаемой лишь далёким плеском воды, щебетанием невидимых птиц с переливчатыми, как стеклянные колокольчики, голосами, да лёгким шелестом листьев.

Она шла медленно, без цели, позволяя глазам блуждать. Здесь не было симметрии, присущей паркам её мира. Природа Феариона была буйной, но не хаотичной. Каждый изгиб ствола, каждая группа камней, обросших бархатным мхом, казались на своём месте, создавая ощущение покоя и глубиной, древней гармонии. Мари чувствовала, как узлы тревоги, затянутые в её душе за последние недели, понемногу начинают ослабевать. Она вспоминала слова Эммы о её алой нити, ведущей куда-то сюда, в этот мир. Может, это и есть то место? Может, её судьба бродит по этим же тропинкам?

Мысль была одновременно волнующей и пугающей. Она посмотрела на свои руки, на гладкую кожу запястий. Ничего, конечно, не увидела. Тайна оставалась тайной.

Углубившись в чащу, она вышла к небольшой поляне, посреди которой бил из-под земли родник, образуя хрустально-чистый омут. Вода была настолько прозрачной, что видно было каждую гальку на дне. Мари присела на замшелый валун, позволив себе просто быть. Она наблюдала, как луч солнца, пробившись сквозь листву, играет на поверхности воды, разбиваясь на тысячи танцующих зайчиков. Впервые за долгое время в её сердце не было места панике. Была лишь тихая, почти медитативная отрешённость. Она была просто точкой в этой бесконечной, прекрасной вселенной. Не наследницей состояния, не беглянкой, не секретаршей. Просто существом.

Именно в этот миг абсолютного покоя мир взорвался.

Сначала это был далёкий, но стремительно нарастающий грохот. Топот копыт, тяжёлый, разбивающий тишину, словно каменный обвал по стеклянной крыше. Потом — треск ломающихся веток где-то справа, в чаще.

Мари вскочила, сердце колотясь где-то в горле. Инстинктивный страх — за ней! они нашли! — на мгновение парализовал её. Она застыла, не в силах пошевелиться.

Из зарослей папоротников и серебристых кустов, словно чёрный смерч, вырвался всадник. Нет, не вырвался — влетел, сметая всё на своём пути. Конь был огромен, угольно-чёрный, с развевающейся гривой и бешеными глазами. Он нёсся по тропинке, ведущей к поляне, явно не справляясь с управлением. А на его спине, пригнувшись к могучей шее, сидел человек.

Всё произошло за секунды. Конь, увидев неожиданное препятствие в виде родника и сидящей у него девушки, в панике шарахнулся в сторону, но его занесло на скользкой хвое. Он встал на дыбы с пронзительным, испуганным ржанием. Всадник, отчаянно пытаясь удержаться, рванул поводья. Мари увидела, как огромное тёмное тело коня заволокло её тенью, как блеснуло на солнце стальное подкованное копыто...

Инстинкт самосохранения сработал наконец. Она не побежала — не успела бы. Она просто бросилась в сторону, на мягкий, влажный мох у самой воды. Падение было неловким и болезненным — она ударилась плечом о камень, и в глазах

потемнело от резкой боли.

Грохот, ржание, тяжёлое фыркание, и... тишина.

Мари лежала, не дыша, прижавшись лицом к холодному мху. Она слышала своё бешеное сердцебиение, звон в ушах. Потом — тяжёлое, прерывистое дыхание лошади и быстрые, твёрдые шаги.

— Чёрт возьми! — прозвучал мужской голос. Глубокий, хрипловатый от напряжения, полный ярости и... ужаса. — Вы... вы живы?

Шаги приблизились. Мари, преодолевая боль и головокружение, попыталась подняться. Перед её затуманенным взором возникли высокие сапоги из чёрной кожи, забрызганные грязью и хвоей. Взгляд пополз вверх: узкие серые бриджи, тёмно-зелёный охотничий сюртук, расстёгнутый на мощной груди, сильная рука в кожаной перчатке, протянутая к ней.

И тогда она подняла глаза и увидела его лицо.

Это было не лицо ангела или классического красавца с гравюр. Оно было резким, словно высеченным из гранита не слишком заботливым скульптором: высокие скулы, твёрдый подбородок с едва заметной ямочкой, сейчас сжатый в напряжении. Тёмные, почти чёрные волосы, сбившиеся на лоб от бешеной скачки. Но больше всего — глаза. Серые, как зимнее море перед штормом, с искрами холодного серебра. В них бушевала буря эмоций: остатки адреналина от неконтролируемого бега, сдерживаемая ярость (на себя? на

коня?), и сейчас, когда он увидел её, живую, — огромное, бездонное облегчение.

— Вы ранены? — спросил он снова, и его голос стал чуть мягче, но не потерял командных, привыкших к повиновению ноток. Его рука всё ещё была протянута.

Мари, не говоря ни слова, машинально вложила свою ладонь в его. Его пальцы сомкнулись вокруг её кисти твёрдо, но не больно, и он одним движением помог ей подняться на ноги. Её колени подкосились, и она бы упала снова, если бы он не поддержал её за локоть.

— Я... я в порядке, — прошептала она, наконец найдя голос. Он звучал тонко и испуганно, совсем не так, как ей хотелось бы.

— Вы не в порядке, вы блеее этого мха, — отрезал он, внимательно, почти хищно осматривая её. Его взгляд скользнул по её перепачканному платью, остановился на том плече, которым она ударилась. — Вы упали. Возможно, ушиб или растяжение. И это полностью моя вина.

Он отпустил её локоть, убедившись, что она стоит, и резко повернулся к коню. Тот, успокоившись, теперь стоял понуро, фыркая и бросая виноватые взгляды на хозяина. Всадник грубо провёл рукой по его шее, но жест был скорее успокаивающим, чем гневным.

— Спокойно, Ночной, успокойся. Всё кончено. Видишь, жива.

Потом он снова обернулся к Мари. Теперь в его позе чита-

лась неловкость аристократа, совершившего непростительный промах перед простолюдинкой.

— Меня зовут Элиан, — сказал он, не представляясь дальше. Видимо, считал, что этого достаточно. Или не счёл нужным раскрывать больше. — Мой конь... испугался змеи в кустах. Я не справился с управлением. Я принесу вам самые искренние извинения. Позвольте мне хотя бы проводить вас до дома. Вы явно не отсюда, — его взгляд оценил её простое, хоть и качественное платье, отсутствие сопровождающих. — Вы гостя в Садах?

Мари кивнула, всё ещё не в силах связать двух слов. Её ум лихорадочно работал. Элиан. Аристократ, без сомнения. Военная выправка, манера говорить, одежда. Опасность? Нет, в его глазах сейчас была только ответственность и досада. Но он может задавать вопросы. Может узнать.

— Я... я живу недалеко, — выдавила она, указывая рукой в сторону, откуда пришла. — Справлюсь сама. Это... просто испуг.

— Не будем обманывать друг друга, — сказал он сухо. — Вы едва стоите. И я не намерен допустить, чтобы пострадавшая из-за моего недосмотра девушка брела через пол-Феариона одна. Это вопрос чести. — В его голосе прозвучала сталь. Он принял решение. — Где ваш дом?

Мари поняла, что спорить бесполезно. Этот человек не из тех, кого переубедят. И, если быть честной, её плечо ныло адски, а в глазах всё ещё плавали тёмные пятна.

— Там, — она снова махнула рукой. — Небольшой каменный дом, с круглым окном. Минут десять ходьбы.

— Десять минут в вашем состоянии — вечность, — заключил он. Он подошёл к коню, что-то проворчал ему на ухо, затем легко, почти без усилий вскочил в седло. Мари замерла, не понимая, что он задумал. Элиан подвёл коня к ней, наклонился и снова протянул руку. — Садитесь. Я отвезу вас.

— Нет! — вырвалось у неё. Мысль о том, чтобы оказаться так близко к этому незнакомцу, на этом огромном звере, была слишком пугающей. — Я... я не могу.

— Можете, — его тон не допускал возражений. — Или вы предпочитаете, чтобы я шёл рядом и вёл коня под уздцы, а вы плелись, шатаясь? Это займёт вдвое больше времени. Садитесь.

В его последнем слове не было грубости. Была привычка командовать и... странная, неловкая забота. Мари, чувствуя себя загнанной в угол, вздохнула. Она робко протянула руку. На этот раз он схватил её не за кисть, а за предплечье, его хват была твёрдой, как тиски. В следующее мгновение он легко поднял её, как перышко, и усадил перед собой в седло. Мир вокруг Мари поплыл, закружился. Она оказалась зажатой между его мощными руками, держащими поводья, и его твёрдой грудью. От него пахло кожей, конским потом, холодным воздухом и чем-то ещё — древесным, пряным, как старый дуб и дым.

— Держитесь, — коротко бросил он ей в ухо, и его дыха-

ние коснулось её щеки. Затем он мягко тронул коня в шаг.

Первые минуты были пыткой. Мари сидела, окаменев от страха и неловкости, чувствуя каждый мускул его тела, каждое движение коня под ней. Но постепенно, по мере того как Ночной шёл спокойной, размеренной рысью, страх начал отступать, уступая место странному, новому ощущению. Было... безопасно. Как ни парадоксально. Его руки, держащие поводья, были надёжным барьером. Его уверенность передавалась и ей. Она рискнула ослабить хватку на луке седла, к которому вцепилась как утопающий.

— Вы часто так... катаетесь? — спросила она наконец, чтобы разрядить напряжение, и тут же пожалела о глупом вопросе.

Он хмыкнул позади неё, и звук этой сдержанной усмешки заставил её кожу покрыться мурашками.

— Катаюсь — да. Так, как сегодня — нет. Это позор для всадника. Ночной обычно идеален. Но эта проклятая золотая змея Феариона... — он смолк, и Мари почувствовала, как напряглись его мышцы. — Впрочем, оправдания неуместны. Я обязан загладить вину.

Они ехали в молчании ещё несколько минут. Мари видела знакомые деревья, приближающийся силуэт дома с круглым окном. Облегчение смешивалось со странным сожалением, что эта неловкая, страшная, но невероятно живая поездка скоро закончится.

Элиан остановил коня в нескольких шагах от калитки.

Слегка наклонился, чтобы помочь ей слезть. На этот раз, когда её ноги коснулись земли, он не отпустил её сразу, а внимательно посмотрел в лицо.

— Вы уверены, что дойдёте? Может, вам нужен лекарь?

— Нет-нет, всё в порядке, — поспешно сказала Мари, отступая на шаг. Дистанция была необходима, чтобы вернуть способность мыслить. — Спасибо, что... довели.

Он изучающе смотрел на неё, его серые глаза скользнули по дому, по вывеске «Купидон», которую, вероятно, он только сейчас разглядел. Его брови слегка приподнялись.

— Брачное агентство? Интересно. — Потом его взгляд вернулся к ней. — Вы здесь работаете?

Мари кивнула, не в силах солгать под этим пронзительным взглядом.

— Я... помощница.

Элиан задумался на секунду, потом, словно приняв какое-то внутреннее решение, сказал:

— Поскольку я причинил вам беспокойство, а вы, судя по всему, человек скромного достатка и нуждаетесь в работе, позвольте предложить вам способ компенсации. Мне как раз требуется... временная компаньонка для моей тётушки. Она живет в моём поместье, скучает, ей нужен живой ум и доброе сердце для бесед и помощи по мелким делам. Плата будет достойной, проживание — в доме. Это было бы куда лучше, чем... — он жестом обозначил небольшой дом и вывеску, — чем работа здесь.

Мари застыла, поражённая. Предложение обрушилось на неё как снег на голову. Работа в его доме? В поместье? Это было и невероятно опасно (а если он узнает? а если её найдут там?), и... заманчиво. Судьба? Или ловушка?

— Я... я не знаю, — прошептала она. — Мне нужно подумать. Посоветоваться с хозяйкой.

Элиан кивнул, как будто и ожидал такого ответа.

— Разумно. Я заеду сюда завтра в это же время за ответом. До свидания... простите, я не спросил вашего имени.

— Мари, — выпалила она, не раздумывая.

— Мари, — повторил он, и её имя на его устах звучало как-то по-новому, важно. — До завтра, Мари.

Он повернул коня и тронул его в галоп, на этот раз уже уверенно и контролируемо, быстро скрывшись в зелёной чаще.

Мари стояла у калитки, глядя ушибленное плечо, смотря вслед облаку пыли и хвои. В ушах ещё стоял грохот копыт, а в ноздрях — запах кожи и дыма. В её упорядоченный, осторожный мир только что ворвался чёрный вихрь. И теперь этот вихрь звал её за собой.

Глава 7

Элиан фон Кэрвидж скакал по тропинкам Феариона с той яростной, слепой скоростью, с которой бегут от самих себя. Утро в замке было очередным уроком в искусстве разочарования. Отчёты управляющего о том, что урожай в южных поместьях снова под угрозой из-за странной болезни винограда, которую не могли определить лучшие маги-ботаники. Письмо от канцлера с намёком, что «Его Величество будет не против увидеть графа Кэрвиджа на предстоящем балу в честь дня рождения леди Тросбер». И вечный, невысказанный вопрос в глазах слуг: «Когда же вы, наконец, женитесь, милорд? Когда в этих холодных стенах появится хозяйка?»

Он сбежал. Как мальчишка. Приказал оседлать Ночного и ускакал прочь, даже не сообщив, куда направляется. Феарион был идеальным местом для этого — здесь, среди вечной, самодостаточной красоты, мелочные заботы и давящие ожидания казались чем-то нереальным, надуманным. Здесь можно было дышать. Или хотя бы попытаться.

Ночной, могучий вороной жеребец, чувствовал настроение хозяина и рвался вперёд, сметая всё на пути, отвечая яростью на ярость. Элиан не сдерживал его. Наоборот, он поддался дикому порыву, желая физическим усилием, скоростью, опасностью выжечь из себя это тлеющее раздражение. Они летели по тропинкам, едва не задевая стволы де-

ревьев, пугая стаи светящихся птиц. Он был мастерским наездником, и Ночной был ему беспредельно предан — обычно это было идеальное, почти телепатическое слияние. Но обычно в нём не кипела глухая, бесцельная злоба.

Змея, блеснувшая чешуёй цвета старого золота на камне, стала последней каплей. Ночной, и без того взвинченный, шарахнулся в сторону с таким внезапным ужасом, что Элиан на миг потерял контроль. Он почувствовал, как могучие мышцы коня уходят из-под него, как поводья натягиваются струной. Проклятие сорвалось с его губ, но было поглощено рёвом ветра. Он боролся, пытаясь удержать равновесие и успокоить Ночного, но было поздно. Они влетели на поляну, и впереди, у родника...

Сначала он увидел лишь пятно цвета — песочное, тёплое, на фоне холодной зелени. Потом осознал форму: девушка, сидящая на камне. Она подняла голову, и он успел заметить лишь огромные, тёмные глаза, расширившиеся от ужаса, и бледное, как лунный свет, лицо.

Время замедлилось до мучительной тягучести. Он тянул поводья изо всех сил, кричал что-то коню, но инерция была неумолима. Он видел, как она вскакивает, как бросается в сторону, как падает, прижавшись к земле, маленькая и беззащитная. Видел, как подкованное копыто Ночного мелькает в сантиметрах от её головы. Сердце его упало, превратившись в ком ледяного ужаса. Не из-за возможного скандала или судебного иска. Из-за простой, животной мысли: я сей-

час убью её.

Когда конь наконец остановился, встав на дыбы и тяжело дыша, первое, что почувствовал Элиан, была не ярость, а всепоглощающая, тошнотворная волна вины. Он почти свалился из седла, его ноги сами понесли его к тому месту, где лежала девушка. «Жива, будь она проклята, только бы жива», — стучало в его висках.

И вот она лежала, прижавшись лицом к мху, вся съёжившись, будто пытаясь стать ещё меньше. Её платье было простым, дешёвой шерсти, без единого украшения. Волосы, выбившиеся из-под платка, были цвета каштана с рыжиной — обычный, неброский цвет. Ничего в ней не говорило о знатности или богатстве. Скорее, о скромности, может, даже нужде. И от этого его вина становилась в десять раз острее. Он, граф фон Кэрвидж, чуть не раздавил насмерть какую-то служанку или дочку местного садовника. Из-за своего скверного характера и потери контроля.

Он окликнул её, и его собственный голос прозвучал хрипло и чуждо. Когда она подняла глаза, его вина приобрела лицо. Бледное, с тонкими, изящными чертами, испуганное, но... не тупое. Не рабское. В этих тёмно-карих глазах, несмотря на страх, была глубина, какой-то внутренний свет. И в них не было ни капли упрёка. Только чистая, животная растерянность.

«Вы ранены?» — спросил он, протягивая руку. Рыцарский жест, вбитый с детства: дама в беде. Но эта девушка не

была дамой. Она была... кем-то. И его рука, обтянутая тонкой кожей перчатки, вдруг показалась ему неуместно грубой.

Она вложила в неё свою ладонь. Рука была тонкой, холодной, но в её прикосновении была неожиданная мягкость, не крестьянская огрубелость. Он поднял её легко, как пушинку, и почувствовал, как она пошатывается. Инстинктивно подержал её за локоть. Под тонкой шерстью платья он ощутил хрупкость кости. Ещё одна волна вины и какой-то странной, почти отеческой (хотя он был, вероятно, всего на несколько лет старше) ответственности накрыла его.

Он осмотрел её. Платье в грязи и мху, но, кажется, целое. Ни крови, ни явных переломов. Но она была белее полотна, и её глаза были слишком яркими, слишком широко раскрытыми. Шок. Он вызвал у неё шок.

Когда он повернулся к Ночному, его ярость нашла наконец выход — но не на коня, а на самого себя. «И это полностью моя вина», — сказал он, и каждое слово было выковано из стали и стыда. Он погладил взмыленного коня, но мысленно уже строил планы. Нужно было загладить. Компенсировать. Исправить. Он не мог просто извиниться и уехать. Чувство долга, воспитанное в нём с пелёнок, требовало действия.

Он назвал своё имя — только имя. «Элиан». Не титул, не фамилию. В данной ситуации они были лишними, они только увеличили бы пропасть между ним и этой перепуганной девушкой. Он увидел, как она кивает, говорит, что жи-

вёт недалеко. Солгала? Нет, скорее, просто хочет поскорее от него избавиться. И кто бы её не винил?

Но он не мог позволить ей уйти одной. Это было бы ниже его достоинства. «Это вопрос чести», — заявил он, и это была чистая правда. В его мире честь диктовала такие вещи. Она указала направление — небольшой каменный дом. Он мысленно прикинул расстояние. Пешком, в её состоянии... Нет.

Предложение подвезти её вызвало у неё новый приступ страха. Он увидел, как она бледнеет ещё больше. «Нет! Я... я не могу». Но её протест был слабым, почти детским. И снова в нём заговорило не терпящее возражений чувство ответственности. «Можете», — сказал он, и в его голосе прозвучала та самая командирская нота, перед которой склонялись головы его управляющих и офицеров.

Когда он поднял её в седло, он был поражён, насколько она лёгкая. Она казалась почти невесомой. Он усадил её перед собой, стараясь быть максимально аккуратным, но его движения всё равно были резковаты — он не был привычен к тому, чтобы возить на своём боевом коне испуганных девушек. Она замерла, окаменев, вцепившись в седло так, что её пальцы побелели. Он почувствовал лёгкую дрожь, проходящую по её телу. И снова — вина, острая и неприятная.

Он тронул коня шагом, стараясь идти как можно плавнее. Неловкость ситуации давила на него. Близость незнакомой женщины, её запах — не духи, а просто мыло и что-то травя-

ное, может, от того мха — были непривычны. Он был окружён женщинами на балах и приёмах, но те были закованы в корсеты, напудрены, пропитаны ароматами, говорили выверенными светскими фразами. Эта была... другой. Настоящей. И от этого было ещё неловче.

Она заговорила первая, задав неуклюжий вопрос о его «катаниях». Он хмыкнул, и в этот момент напряжение чуть спало. Он мог бы солгать, сказать, что конь понес. Но что-то заставило его быть честным. Признать свою вину, свою потерю контроля. Это было мучительно, но правильно.

Пока они ехали, его взгляд скользил по её профилю, по аккуратно убранным под платок волосам, по линии плеча, которое она, кажется, всё же ушибла. Он думал. Чем он может компенсировать? Деньгами? Оскорбительно, да и у неё вид гордый, несмотря на испуг. Подарком? Нелепо. А потом он увидел дом. Небольшой, скромный, но ухоженный. И вывеску. «Купидон». Брачное агентство.

В голове его, привыкшей быстро анализировать и принимать решения, щёлкнуло. Она сказала, что работает помощницей. Значит, ей нужен заработок. У него есть проблема — тётка Агата. Прелестная, умнейшая женщина, но после смерти дяди ставшая затворницей в своём крыле замка, тоскующая по общению. Он нанимал для неё компаньонку — молодых девиц из хороших, но обедневших семей. Но они либо были скучны, как муха зимой, либо сразу начинали строить глазки ему, графу. Агата терпеть не могла и тех, и

других.

А эта девушка... Мари. Она была тихой, но не пустой. Испуганной, но не глупой. В её глазах читался ум. И что-то ещё — какая-то глубокая печаль, скрытая под страхом. Возможно, она как раз подойдёт Агате. А он сможет искупить свою вину, предоставив ей место лучше, чем помощница в сомнительном брачном агентстве. Это было практично, логично и благородно. Идеальное решение.

Когда они остановились, и он помог ей слезть, он ещё раз убедился в правильности своей идеи. Она стояла, слегка пошатываясь, но держалась с достоинством. Он предложил работу, сформулировав это как «способ компенсации», чтобы не выглядеть благодетелем и не задеть её гордость. Он увидел в её глазах панику, недоверие, но и проблеск интереса. Естественно. Она попросила время подумать. Он согласился. Завтра. Он даст ей срок.

Он назвал её по имени — «Мари» — и почувствовал, как это простое имя странным образом отзывается у него внутри. Потом развернул коня и ускакал, не оглядываясь, чувствуя на себе её пристальный взгляд.

Дорога обратно к выходу из Феариона была уже не бегством, а размышлением. Вина отступала, уступая место деловому интересу и... любопытству. Кто она? Откуда у этой простой, бедно одетой девушки такие глаза? Такое достоинство в осанке? Почему она работает в брачном агентстве? Вопросы крутились в голове, но ответов не было.

Он вспомнил её лицо в момент паники. Не кричащее, не истеричное. Замершее в ужасе, но собранное. Она не закричала, не расплакалась. Она действовала, бросившись в сторону. В ней была внутренняя сила. Та, что нужна Агате. И, возможно... Его мысли зашли слишком далеко, и он отрезал их на корню.

Ночной шёл теперь спокойной, уверенной рысью. Шторм внутри Элиана улёгся, сменившись странным, непривычным ожиданием. Завтра он вернётся. Узнает её ответ. И, возможно, приоткроет завесу над тайной этой девушки с печальными глазами и твёрдой, несмотря на дрожь, спиной. Он исполнит свой долг. А что будет дальше... дальше видно будет. Но впервые за долгие месяцы у него появилось дело, которое не было связано с отчётами, долгами рода или придворными интригами. Дело, которое было... человеческим.

Глава 8

Дверь агентства «Купидон» закрылась за Мари с таким тихим, окончательным щелчком, будто она отсекла целый пласт реальности. Она прислонилась к грубой древесине, закрыв глаза, пытаясь унять бешеную дрожь в коленях. В ушах всё ещё стоял грохот копыт, а в ноздрях — острый, мужской запах кожи, конского пота и чего-то древесного, что теперь, казалось, пропитало её саму. Ладонь, которую он сжимал, горела, будто обожжённая.

— Мари? Ты уже вернулась? — послышался голос Эммы из-за двери кабинета. — Всё в порядке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.